

В 2001 году не стало Бориса Михайловича Медникова — блестящего ученого, чей вклад в биологическую науку не оценим. И не только в биологическую — вот в чем дело.

Он принадлежал к очень редкой породе ученых, ученых-синтезаторов. Которые могут видеть не только, так сказать, изнутри, но и сверху. Для которых только лишь собственного профессионального знания (в данном случае — молекулярной биологии и эволюционной генетики) мало для того, чтобы понять суть общих явлений. И вот это последнее очень важно: частное (несомненно, высокопрофессиональное) — только повод для того, чтобы осмыслить общее. Поэтому в сферу интересов Медникова и дальнейшего глубокого научного анализа входило, казалось бы, несовместимое: генетика и лингвистика, эволюция биологическая и эволюция культурная. В общем, социогенез, его скрытые, но закономерные механизмы.

Но и это не все. Борис Михайлович прекрасно писал и прекрасно рассказывал, в частности во время докладов и лекций. А это среди господ ученых, и, кстати, достойных ученых, поверьте, тоже редкость. Вот потому в «Химии и жизни» его так любили. Каждая статья Медникова (которую и редактировать-то не нужно!) была как подарок. Глубоко, точно и, что особо приятно, с иронией и юмором. Вспомним хотя бы его «Парадокс миллиона обезьян» (1993, № 6) или «Введение в вурдалакологию» (1995, № 7).

Гены есть гены, тем более такие счастливые гены. Не потому ли дочь Бориса Михайловича Мария Борисовна — теперь, несмотря на научную молодость, уже тоже доктор наук? И тоже, сейчас впервые (см. ниже), публикуется в «Химии и жизни». И прекрасно, что ее дебют у нас — воспоминания об отце. Преемственность!

И последнее. Мы размышляли о том, как лучше напомнить нашим читателям о Б.М.Медникове. Были варианты (несколько его малоизвестных и вовсе не опубликованных статей последнего времени), но избрали мы, учитывая фигуру автора, вариант парадоксальный: перепечатать его «Введение в вурдалакологию». Чтобы еще раз напомнить нашим читателям о силе ума, знаниях и юморе Бориса Михайловича.

Светлая память, воистину.

Доктор исторических наук
М.Б.Медникова

Б.М.Медников:

«В принципе меня можно назвать счастливым»

Это моя первая попытка написать о папе — поэтому дается она мне с трудом. Вероятно, дело в том, что мой папа был человеком необычным — ярким, очень талантливым, энциклопедически образованным, а о таких людях писать всегда непросто. Тем более когда человек, о ком пишешь, — твой любимый отец... Наверное, объективная оценка того, что он успел сделать в своей жизни, внезапно оборвавшейся в 69 лет от болезни, которой никто не ожидал, еще предстоит.

В сентябре 2002 года Борис Михайловичу Медникову исполнилось бы семьдесят лет. Скорее всего, в молекулярном корпусе МГУ, где папа проработал почти сорок лет, отмечали бы этот юбилей. Речи, поздравления, оценка деятельности... Ничего этого не произошло. И может быть, не случай-

но. Папа был человеком скромным, хотя отлично знал себе цену.

Б.М.Медников родился в 1932 году, в небольшом поселке на Урале, в семье учителей. И уже в раннем детстве проявился его интерес к биологии. «В то время, — писал папа много лет спустя, отвечая на анкету выпускников МГУ, — существовал садистский обычай вливать несчастным детям рыбий жир. Перед этой экзекуцией я забивался под кровать и не хотел вылезать, пока мне не обещали сводить в школьный биологический кабинет (мы жили при школе) и показать живую гадюку в банке. Похоже, тогда я сделал свой выбор». Очень рано стало ясно, что у мальчика феноменальные способности — в частности, память. Он с невероятной скоростью пролистывал толстые тома и запоминал прочитанное на десятилетия.

В 1950 году Б.М.Медников приехал в Москву и поступил на биолого-почвенный факультет МГУ. «Нашему курсу повезло: мы еще застали в живых старую профессуру (Зенкевич, Матвеев, Курсанов, Кречетович и т.д.). Но в памяти у меня больше других остался Яков Авадьевич Бирштейн — на мой взгляд, образец биолога, преподавателя и просто человека».

С самого начала папа хотел стать генетиком. Увы, тогда это было невозможно. «Перед университетом я изучал генетику по учебнику Синнота и Денна, а потом с удивлением узнал, что все, что я учил, — ложно и реакционно. Осталось заняться классической зоологией и ботаникой, которую в МГУ почти не затронул лысенковский погром. Поразмыслив, пошел на кафедру зоологии беспозвоночных (под действием лекций Л.А.Зенкевича) и решил

стать морским биологом». После студенческих работ на Белом, Баренцевом и Беринговом морях распределение на Камчатку выглядело вполне логичным. Три года Борис Михайлович проработал младшим научным сотрудником Камчатского отделения ТИНРО (Тихоокеанского института рыболовства и океанографии), проведя в море не менее 24 месяцев.

Телеграмма Я.А.Бирштейна с вызовом в аспирантуру застала в море у острова Беринга. Так папа вернулся в Москву. Это 1958 год. Дальше — учеба в аспирантуре, защита диссертации, работа экспертом советско-японской рыболовной комиссии, преподавание на кафедре зоологии беспозвоночных биофака МГУ. И тут — вызов судьбы: В 1965 году, будучи вполне преуспевающим доцентом МГУ, Б.М.Медников резко изменил свою жизнь — оставил зоологию и посвятил себя новому, только зарождавшемуся у нас направлению биологии.

«В это время я увлекся влиянием температуры на скорость развития животных. В конце концов мне стало ясно, что определяет эту скорость синтез белка на рибосомах. Все меня постепенно направляло в молекулярную биологию, даже если бы я этого не хотел. К тому же в 1963 году я прочитал книгу С.Е.Бреслера «Введение в молекулярную биологию» (на Белом море, белыми ночами) и понял, что это то, что мне нужно.

К тому времени мне уже надоела преподавательская работа (на меня возложили ведение малых практикумов): в каждой группе на неделе приходил аскарид, через неделю — дождевого червя и т.д. По моим расчетам, через 30 аскарид я должен был уходить на пенсию. Именно тогда я обнаружил зависимость между температурной характеристикой скорости развития у рыб и насекомых и нуклеотидным составом их рибосомной РНК. Я.А.Бирштейн свел меня с А.Н.Белозерским, и по вечерам я стал работать на тогдашней кафедре биохимии растений. Я разгонял РНК на электрофореze в 10 000 вольт. Работа А.Н.Белозерскому понравилась, и он предложил мне место старшего научного сотрудника во вновь создаваемой межфакультетской лаборатории биоорганической химии. Теперь это — Институт физико-химической биологии им. А.Н.Белозерского». Именно в этом институте Медников проработал всю оставшуюся жизнь, в последние годы руководя лабораторией молекулярных механизмов видообразования.

Он очень любил путешествия и гордился тем, что, будучи молекулярным биологом (то есть сиднем), ухитрился побывать с научными рейсами в Авст-

ралии, на Коралловых островах, в Антарктике, потом несколько раз на Памире, Тянь-Шане, в Кушке. В этих поездках он собирал самую разную информацию о животном и растительном мире, делал наблюдения о быте и традициях местного населения. Впрочем, его интересовала не только одна информация. Вот одно из самых ранних воспоминаний моей жизни: варан, грозно шипевший в картонной коробке на нашей кухне.

Уже в конце 1990-х годов, отвечая на вопросы анкеты выпускников биофака 1955 года, Б.М.Медников писал: «В науке у меня вклады разнообразны, хотя и вряд ли основные. Я занимался гидробиологией дальневосточных морей, определением продукции планктона, ихтиологией и физиологией (влиянием температуры на скорость развития), от нее даже влез в физику твердого тела (рибосомы как полупроводники) и, наконец, занялся молекулярной биологией и генетикой... приобрел известную популярность как автор научно-популярных книг («Дарвинизм XX века», 1971; «Аксиомы биологии», 1982; «Власть над геном», 1989, совместно с А.А.Богдановым; комментарий к «Происхождению видов» Ч.Дарвина, 1986, совместно с А.В.Яблоковым, и другие публикации. — М.М.)... Интерес к проблемам эволюции у меня был все время, в том числе и после смерти А.Н.Белозерского; когда меня перестали поддерживать в изучении РНК, я переключился на эволюцию ДНК. В 1978 году защитил докторскую диссертацию по специальности «генетика» на тему «Эволюция генома». Так, в конце концов, я стал генетиком обходным путем. Дело, однако, этим не кончилось. Занявшись эволюцией второящейся ДНК, я пришел к выводу, что ретровирусы, в том числе ВИЧ, — одичавшие человеческие повторы. Заинтересовавшись ими, я стал разрабатывать методы количественной генной диагностики СПИДа и его лечения новыми препаратами. Потом переключился на гепатиты... Работаю над ДНК рыб, млекопитающих, включая человека... Любопытно, что, меняя тематику, я не испытываю особого стресса, ведь в конечном счете я все время занимался и сейчас занимаюсь биологией».

Исследования по общей биологии и теории эволюции по праву дают считать Б.М.Медникова одним из основателей московской школы геносистематики. Он создал систему аксиом биологии и плодотворно разрабатывал проблемы микроэволюции и видообразования на молекулярном уровне. Другое направление общей биологии, где его вклад более чем значим, связано с обоснованием закона гомоло-

ПОРТРЕТЫ

гических рядов наследственной изменчивости, сформулированного Н.И.Вавиловым.

Однако научные интересы Бориса Михайловича отнюдь не исчерпывались биологией. «Новые идеи рождаются на стыке наук — то есть в головах людей, получивших информацию по меньшей мере из двух источников». Интуитивно почувствовав, какие возможности таят в себе междисциплинарные исследования, он еще в середине 70-х годов начал поиск параллелей между эволюционной генетикой и сравнительным языкознанием. Генетика и лингвистика... Кто бы мог подумать, что исследования на стыке таких, казалось бы, далеко не близких наук приведут к интереснейшим результатам?

Этот поиск аналогов между эволюцией биологической и культурной требовал виртуозного владения данными структурной лингвистики, фольклористики, религиоведения, психологии, социальной и физической антропологии, общей биологии и, конечно, генетики. Из современных биологов он, Б.М.Медников, — пожалуй, единственный, кто был способен оперировать подобной информацией (уточню: не просто владеть массивами разрозненных данных, а именно оперировать ими, синтезировать, обобщать). Он прекрасно сознавал, что пока лишь стимулирует дальнейшие исследования в этом направлении — направлении синтеза биологии и культуры в ходе эволюции человека. Да, пока лишь стимулирует. Но это уже немало, и потому его задача может считаться выполненной.

Оглядываясь назад, я понимаю, что папа постоянно опережал свое время. Многие высказанные им идеи пробились с трудом, другие еще только ждут своего воплощения. И тем не менее, подводя итоги своей деятельности, Борис Михайлович Медников смог написать: «В принципе меня можно назвать счастливым — всю жизнь я занимался только тем, что меня в данный момент интересовало».

Введение в вурдалакологию

Вурдалакология — наука о происхождении, эволюции, образе жизни и географическом распространении вурдалаков (син. — вампиров, упырей).

Краткий мистический словарь

Тринадцать лет назад свою книгу «Аксиомы биологии» я завершил такой сентенцией: «Геносистематика, теория эволюции геномов и так далее в конце концов окажутся лишь частью общей теории эволюции последовательно реплицирующих систем... Под эту категорию подпадают не только объекты биологической эволюции, но и, например, человеческие языки, обычаи, обряды, мифы (включая религии), сказки и многое другое. Когда-нибудь я напишу и об этом».

Признаюсь, что покривил душой: еще раньше, в 1976 году, я писал о параллелях между эволюционной генетикой и сравнительным языкознанием (Б.М.Медников. Геном и язык. Бюллетень МОИП, отд. биол., т. 81 (4), с. 134–147). Тогда я впервые обратил внимание, что генетические программы организмов и языки, на которых говорит человечество, эволюционируют по одинаковым законам. Сходные положения выдвинул Р.Докинз в книге «Эгоистичный ген» (1976, русское издание 1993).

Суть идеи в следующем. Подобно тому как сменяются поколения родителей и детей, передавая друг другу наследственные свойства, закодированные в ДНК, сменяются и поколения учителей и учеников. При этом по каналу лингвистической информации передаются знания: сведения о том, как выжить, обряды, обычаи, технологии и религии, философские системы и производственные отношения. Элементарные единицы информации в этом канале Докинз очень удачно назвал мемами (memes). Это — аналоги генов в канале генетической информации*.

Насколько далеко идут аналогии в строении и эволюции обоих каналов, судить трудно. Пока я не усматриваю тут каких-то границ. Фактически любой феномен, обнаруженный в одном канале, может быть обнаружен в другом. Возникает вопрос: зачем это нужно?

Уже на протяжении многих лет палеонтологи уверенно и с высокой степенью достоверности реконструируют облик существ, обитавших на нашей планете в давние времена. Молекулярные генетики по нуклеотидным последовательностям ныне существующих генов восстанавливают строение гена-предка. К этому процессу присоединились и лингвисты, восстанавливающие праязык, на котором говорили наши предки в эпоху палеолита.

*С подобными взглядами «Химия и жизнь» знакомила читателей в № 5 за 1995 год (Прим. ред.).

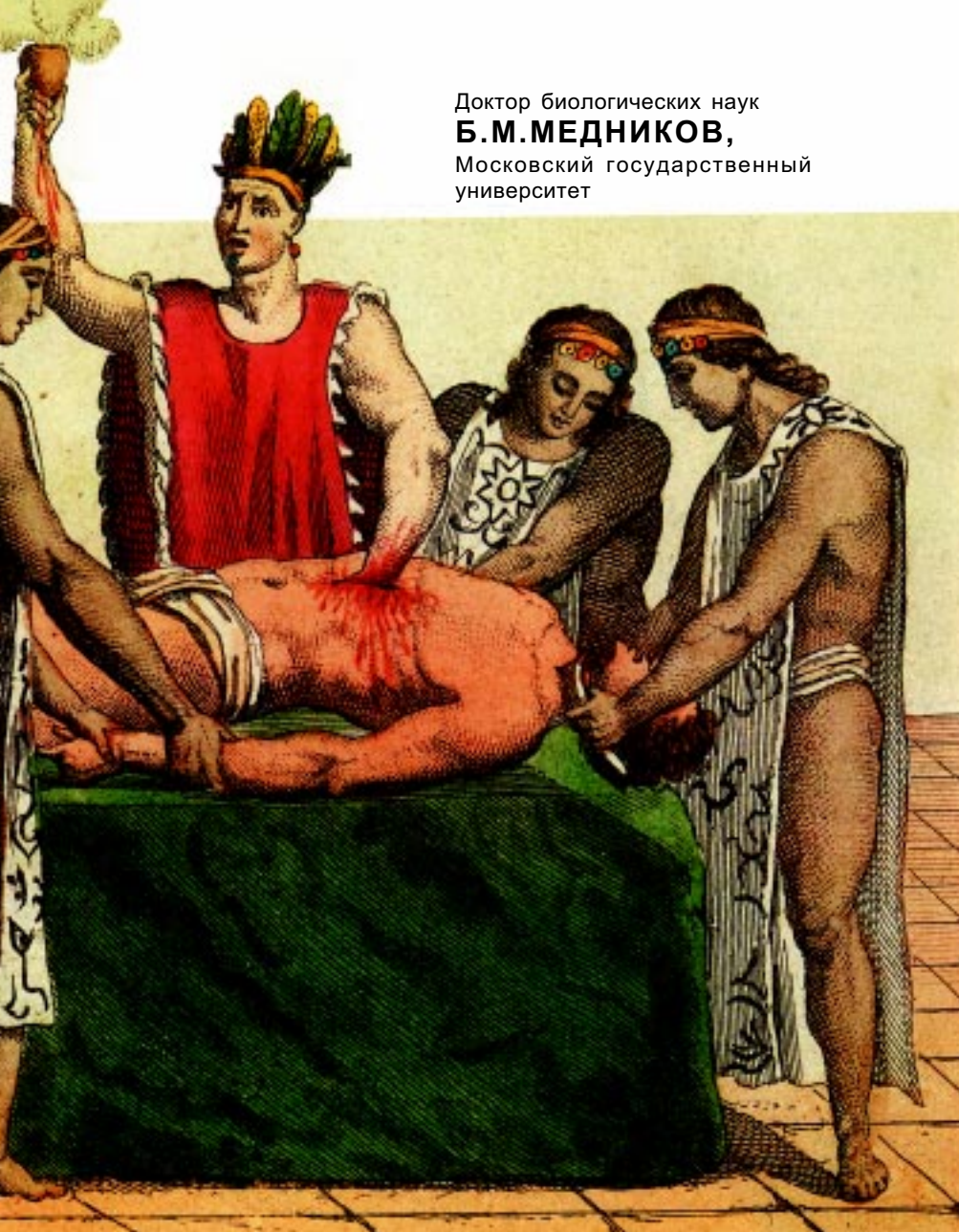

Не знаю, как других, а меня порой посещает странное ностальгическое чувство: о чем говорили на этом праязыке бесконечно удаленные от нас предки? Чего они боялись, во что верили, что считали достойным уважения или презрения? Или же духовная жизнь наших прапрапрауров навсегда канула в Лету? Вряд ли это так. Кое-что мы, конечно, утеряли безвозвратно. Но многие фольклористы и этнографы (например, Дж.Фрейзер, В.Я.Пропп) полагают, что, анализируя сказки, мифы и предания разных народов, можно выявить их изначальные прототипы и установить время их возникновения. Попытался сделать это и я, используя, в общем, те же принципы, по которым реконструируют нуклеотидную последовательность предкового гена.

И в результате удалось восстановить странное, суровое, подчас жестокое, но по-своему логичное мировоззрение людей сильных и смелых, однако скованных цепями обычаев. Корни этого мировоззрения уходят в незапамятные времена, вплоть до примитивного стада обезьян, а многие его ветви, хотя и в сильно трансформированном виде, дошли до наших дней.

Пока я поделился с читателями только одним своим опытом по эволюции мема — сказочным сюжетом «Ведьма и солнцева сестра», включенным под № 93 в сборник

Доктор биологических наук
Б.М.МЕДНИКОВ,
Московский государственный
университет

ПОРТРЕТЫ

досталось бы ей — хранительнице домашнего очага. Так что во времена перехода от матриархата к патриархату этот миф был, если угодно, злободневным идеологическим памфлетом — лишь потом он стал страшной сказкой.

Однако миф, о котором шла речь, возник в относительно поздние времена. Когда? Это — общество, переходящее к земледелию от скотоводства. Люди уже приручили лошадь, знали струнные инструменты вроде гуслей, жили оседло, уже не в пещерах... А нельзя ли еще дальше углубиться в прошлое, вскрыть более глубокие временные пласты? Полагаю, что можно. Можно — на примере весьма широко распространенного комплекса мифов о страшных «живых мертвецах», высасывающих кровь у своих ближних. Я предпочитаю называть их древним славянским именем — вурдалаки (вампир — слово западное, упырь — восточное, от тюркского «убыр»). Итак, перейдем к вурдалакам.

Основные свойства вурдалаков.

Комплекс мемов о вурдалаках (вампирах, упырях) сейчас уже стал интернациональным, главным образом благодаря классической книге Брэма Стокера «Дракула» (1897). Эта книга опубликована на всех языках Земли и многократно экранизирована. Она породила несметное множество подражаний, и сегодня обычный человек знает о вампирах, пожалуй, больше, чем о вполне реальных существах, населяющих Землю, — например, об окапи или латимерии.

Кто же такой вурдалак по Стокеру? Это — «живой мертвец», «не-мертвый». С восхода солнца до заката он беспомощно лежит в своем гробу и лишь с наступлением темноты встает на промысел. Отличительные признаки: налитые кровью глаза, тяжелый могильный запах, острые зубы (загибающиеся внутрь ротовой полости, как у змеи, — по Бобу МакКаммону, «Они жаждут»). На ладонях вурдалаков растут волосы. Вурдалак не отбрасывает тени и не отражается в зеркалах. Физически он сильнее человека, имеет власть над туманами, мухами, крысами, волками и летучими мышами (и может превращаться в них). Лишенный своей единственной пищи — свежей крови, он теряет силы, хиреет, хотя потенциально бессмертен. Человек, у которого высосана кровь (обычно из шейных сосудов), сам становится вурдалаком.

Впрочем, характеристики вампиров могут различаться в зависимости от источника. Даже у классика вампирологии Стокера вампир Дракула по крайней мере один раз активен днем.

А.Н.Афанасьева «Русские народные сказки» и имеющим шифр АаTh315А по международной классификации (Б.М.Медников. Гены и мемы — «субъекты» эволюции. «Человек», 1990, № 4). По моей тогдашней трактовке, предок этой сказки — миф о происхождении лунных затмений. Я и сейчас уверен в этом, но теперь мне кажется, что кое-какую информацию я упустил.

В некоторых вариантах этой сказки упоминается, что родители отрицательной героини, впоследствии ставшей ведьмой-людоедкой, так сильно хотели, чтобы родилась девочка, что были готовы избавиться от ребенка, если тот будет мальчиком. Почему им была нужна именно дочь? Разгадку я нашел, как ни странно, в приключенческой повести Дж.Вилларда Шульца «Сын племени навахов» (естественно, эту разгадку подтвердили специальные труды этнографов). Шульц писал, что у индейских племен-земледельцев тэва и конных охотников навахо были разные правила имущественного наследования. У тэва после смерти родителей все имущество переходило к дочери; сыновья же уходили зятьями в чужие семьи, и им принадлежало только оружие. А вот навахи, перейдя от матриархата к патриархату, все наследство отдавали сыновьям.

Отсюда понятно, почему родители ведьмы-людоедки так хотели, чтобы родилась девочка: тогда все нажитое ими

Средства борьбы с вурдалаками. Вурдалак боится чеснока и омелы; ветка шиповника, положенная на гроб, не дает ему подняться. Остерегается он также креста, святой воды и причастия. (Замечу, что последнее — это уже поздние наслоения: сам по себе миф гораздо древнее христианства. Омелу в него добавили кельты, а чеснок — восточные народы. И кстати, еще недавно суеверные турки давали болезненным детям имя «чеснок», чтобы уберечь их от злых духов.)

Вероятно, самое древнее и самое надежное средство избавления от вурдалака — вбить ему в сердце деревянный кол, предпочтительно осиновый, и отрезать голову. Но с появлением огнестрельного оружия появилось новое средство: вампира можно застрелить серебряной пулей. Разумеется, этот метод был доступен только состоятельным людям.

Откуда пришли в Европу вурдалаки. Самый популярный в Западной Европе вампир — граф Дракула — лицо историческое. Он принадлежал к рыцарскому ордену Дракона (по-венгерски — Дракулы). Это — валашский господарь Влад III, за жестокость прозванный Дьяволом. Сын его, Влад IV, старался в злодеяниях превзойти отца, за что его стали называть Цепеш — сажатель на кол. Они жили в середине XV века. Так что центр, откуда пошло наступление вампиров (вурдалаков) на Европу, — это Венгрия. А.С.Пушкин, переводя подделанные П.Мериме «Песни западных славян», упоминает в них вурдалаков, а у А.К.Толстого есть рассказ «Семья вурдалака» и повесть «Упырь», и вот действующие лица в последней — упыри — прямо выводятся от «древней венгерской фамилии, ныне уже угасшей, но известной в конце пятнадцатого столетия».

А теперь вспомним, откуда взялись в центре Европы венгры (мадьяры, в древности — угры). Мадьяры, предки современных жителей Венгрии, пришли в Европу с берегов Волги. До того они обитали в Заволжье, Южной Сибири и Зауралье. Венгерский язык близок к тем, на которых сейчас говорят манси, ханты и прочие народы самодийской (самоедской) группы. Другие его родственники, более дальние, — финский и эстонский языки. В целом этот комплекс языков так и называется — финно-угорский.

Но финны и эстонцы вампиров изучали... по Стокеру. В их фольклоре нет преданий об оживающих мертвецах, высасывающих у ближних кровь (в этом меня заверили мой зять-эстонец и бывший аспирант-финн). Так что комплекс мемов о вурдалаках был присущ только уграм. Угры в свое время широко расселились на нашем Севере (это самодийцы, нганасаны, энцы), дошли до Таймыра, Ямала, Кольского полуострова. И именно там сохранились самые древние варианты преданий и архаичные языковые нормы.

Правда, придя на Север, самодийцы встретили там аборигенное население — палеоазиатов — и поглотили его, впитав в себя не только их гены, но и мемы. А палеоазиаты (отдаленные потомки которых — якугиры, коряки, чукчи, кеты) помнили еще живых мамонтов.

Как раз в фольклоре энцев — самодийской народности, живущей у берега Северного Ледовитого океана, — мне показалась интересной одна история. Вот она.

«Два охотника промышляли далеко от дома в тундре. Один из них заболел, потом умер. Перед смертью сказал: «Не хорони меня здесь, вези на нартах домой, я тебе помогу». Оставшийся в живых вез труп на нартах днем, а вечером покойник оживал и вез живого товарища на нартах сам, причем бежал без усталости, а к утру умирал снова. Но живой охотник его боялся... Вдруг мертвец сказал: «Здесь похоронен очень сильный покойник; сегодня ночью я буду с ним биться. Даже если я его одолею, не вези меня дальше, похорони здесь, а в сердце мне вбей осиновый кол. Иначе опасным буду...»

Этот комплекс преданий (впору назвать его вампиризмом) распространялся и на юг. Л.Н.Гумилев, раскопавший хазарские погребения в низовьях Волги, отмечал, что многие скелеты носили следы посмертных повреждений (обоженные, с переломанными костями). А ведь хазары и угры были врагами! Однако даже это не помешало распространению мифа.

Предания о «живых мертвецах» дошли и до Азербайджана и, как ни удивительно, сохранились там до наших дней. Крупнейший вирусолог и микробиолог Лев Александрович Зильбер в незавершенных мемуарах приводит любопытный факт. Перед Отечественной войной он работал на ликвидации вспышки чумы в Азербайджане, где и услышал такую легенду: если после смерти одного из членов семьи продолжают умирать его родственники, значит, покойник — «живой» и тянет всех к себе. Выявить «живого» мертвеца просто: нужно насыпать на могилу овес и привести коня. Если конь станет есть овес, то, следовательно, мертвец — «живой» и его необходимо обезвредить. Для этого могилу раскапывают, покойнику перерезают горло, вырезают сердце и дают съесть по кусочку каждому члену семьи. И таким образом всех заражают чумой! Ну, а какой же конь откажется от овса, даже если он насыпан на могильный холм?

А далее там, в Азербайджане, события развивались, как в мистическом романе. На кладбище жертв эпидемии обнаружили могилы со следами поспешной, тайной раскопки. Эксгумация первого же покойника показала, что у него перерезано горло и вырезано сердце. Значит, древний миф был еще руководством к действию!

Остановив вспышку чумы, отряд российских врачей вернулся в Москву, но вскоре Л.А.Зильбера, как многих до и после него, арестовали по ложному обвинению, и он оказался в лагере. Право же, жуткая фантазмагория, в которой действуют на равных правах вурдалаки из мифов и... из НКВД.

Для чего вурдалакам нужна кровь. То, что «кровь — сок совсем особенного свойства», знал не только Мефистофель в «Фаусте». Во всех примитивных обществах практиковались кровавые жертвоприношения, а порой и обрядовое людоедство. Считалось, что вместе с кровью человек, пьющий ее, получает силу и ум жертвы.

По-видимому, этот обычай был распространен по всему свету. Совсем недавно «Известия» (№ 49 от 17 марта 1995 г.) опубликовали перепечатку из шведской газеты «Дагенс нюхетер». Сообщалось, что в Перу при раскопках погребений индейцев племени муче (1700-летней давности) обнаружены рисунки, на которых изображены жрецы в страшных масках, убивающие связанных пленников огромными медными серпами и затем пьющие их кровь из больших бокалов. В погребениях отыскали и серпы, и золотую маску кота, которую надевал жрец во время жертвоприношения.

В горных областях Новой Гвинеи подобные обряды сохранились почти до наших дней. Так, шведский путешественник Эрик Лундквист сообщил, что обращенные в христианство папуасы племени яперо, недавние каннибалы, «причастие считают прямым продолжением своих собственных каннибальских праздников...». И причащаются они, охотно веря, что это плоть и кровь Христа. Раньше они ели человечину для того, чтобы приобрести силу и могущество убитого. И теперь видят в причастии тот же смысл.

И, пожалуй, они правы. Ритуалы и обряды любой религии много древнее ее догматов. И, снимая один за другим пласты накопившихся исторических искажений, мы обнаруживаем в конце концов ритуалы магии древнего каменного века (верхнего палеолита), магии, которая господствовала над умами людей, когда никаких религий во-

обще не существовало. Не было еще богов — были духи умерших, духи зверей, явлений природы, которых следовало ублажать или устрашать магическими обрядами. В те времена понемногу, по-любительски колдовать могли все члены племени. Но в трудных случаях обращались к профессионалам — колдунам, шаманам. И самые архаичные представления о шаманах сохранились именно у нганасан — жителей Таймыра, народа самодийской, угрофинской группы.

Оживающие мертвецы. Ценную информацию на сей счет можно почерпнуть из сборника «Сказки и предания нганасан» (серия «Сказки и мифы народов Востока», 1976). А она, эта информация, такова: человек может стать шаманом только после своей смерти — умереть, а потом ожить. В комментариях к сборнику прямо говорится: «Идея о том, что умерший, а затем воскресший человек становится большим шаманом, свойственна не только фольклору народов Сибири, но, в отношении кетов, встретилась нам даже в одном документе середины XVIII в.». В сказках № 25—26 того же сборника этот процесс описан с весьма натуралистическими подробностями: «Поднимается человек, братишка, который умер. Пока лежал он в течение зимы, не стало у него щеки на левой стороне лица, отгрызли мыши»*. После этого он становится великим шаманом.

В сказках воскреснуть легко. А в жизни за смерть порой принимали долгий летаргический сон, глубокий обморок. Или просто инсценировали смерть неофита, пожелавшего стать шаманом...

Этот мем, в сочетании с другим, согласно которому кровь других людей — источник силы и могущества, и стал основой устойчивой легенды о вурдалаках. Нам, индоевропейцам, эта легенда была долгое время чуждой, и даже такие авторитеты, как П.Мериме, А.С.Пушкин и А.К.Толстой, не могли создать ей особой популярности. Тут такое же положение, как с формой одного из генов — аллелем, определяющим темную окраску у бабочки березовой пяденицы. До индустриализации Британских островов эта темная форма считалась редкостью и высоко ценилась у коллекционеров. Однако в XIX веке пошло бурное развитие тяжелой промышленности, базирующейся на каменном угле. Стволы берез покрылись черной копотью, на фоне которой темные бабочки не стали видны птицам (а белые — наоборот). Численность «темного» аллеля в результате отбора резко возросла. Так возник феномен «индустриального меланизма». Однако сейчас, когда заводы и фабрики переходят на электроэнергию и газ, белая форма берет реванш.

Похоже, нечто подобное происходит и с мемами. Практичный, верящий в прогресс XIX век долго не интересовался легендой о вурдалаках. Наш, уже уходящий XX, потряс человечество бедствиями невиданного масштаба, спровоцированными самими же людьми (войны, фашизм и социализм, атомные бомбы и так далее). И как следствие — разочарование в науке, невиданный расцвет мистики и псевдонауки, все эти НЛО, бермудские треугольники, экстрасенсы и прочее. В такой ситуации книга Стокера неожиданно пришлась к месту и завоевала сначала англоязычные страны, а затем и весь мир.

Это только мое мнение. Мы еще точно не знаем, каковы факторы отбора мемов в мемофондах человеческих популяций. Они, очевидно, не менее разнообразны, чем факторы отбора генов в генофондах. Там есть и аналоги внут-

*Из-за вечной мерзлоты нганасаны не рыли могил, а сооружали над покойником, лежащим на санках, подобие чума из ветвей и шкур. Все вместе — мертвое тело и сооружение над ним — называлось «ледовка».

ривидовой и межвидовой борьбы, и аналоги паразитов и хищников, конкурентов и так далее. Но, как бы то ни было, граф Дракула, похоже, осуществил свою мечту, высказанную в романе Стокера. Он завоевал мир. Духовный, во всяком случае.

Дальнейшая эволюция мема. Уже первые исследования нуклеотидных последовательностей генов подметили важный факт: в разных генах встречаются одинаковые последовательности ДНК (мотивы). Это говорит о том, что гены, ныне кодирующие разные белки, ведут начало от одного гена-предка. Например, ген фермента сериновой протеазы несколько раз дублировался и породил гены, кодирующие разнообразные белки: фактор роста нервов, фактор роста эпидермиса и целый ряд других. Иногда фрагмент — последовательности одного гена — встраивается в другой ген, и создается программа для синтеза белка с новыми свойствами. Например, в гене фактора VIII, ключевого белка в системе свертывания крови (антигемофилического фактора), содержится большая последовательность, позаимствованная из гена церулоплазмينا — белка-переносчика ионов меди.

То же самое происходит и с мемами. Мем-предок порождает другие мемы, которые в процессе дивергенции уже не похожи на прародителя. Один такой пример я уже приводил выше: явное родство мема о крови (как источнике силы) и христианского обряда причастия. Если вы — верующий человек, исправно причащаясь, содрогаетесь при мысли о таком сопоставлении, вспомните другой, уже вышедший из моды обычай. Наши предки славяне еще до Киевской Руси, совершая обряд побратимства, пили вино из чаши, в которую добавляли свою кровь. Не породил ли миф о «живых мертвецах», шаманах, кроме вурдалаков, еще какой-нибудь обычай?

«Аще и весь мир приобрящем и тогда во гроб вселимся, иде же купно цари же и убози...» Это — слова из заупокойной, которую и по сей день читают над человеком, постригающимся в монахи. Что же это, если не имитация, инсценировка смерти, которая, по сути, ничем не отличается от обряда «посвящения» человека в шаманы?

Мемы религиозных обрядов древнее всех религий и ведут начало от ритуалов первобытной магии. Возникает вопрос: насколько она первобытна? По моей предварительной оценке — это 10–12 тыс. лет, конец палеолита, эпоха распада древней нестратической языковой общности. А нельзя ли забраться в древность еще дальше? Не сохранились ли в нашем культурном наследии мемы из тех времен, когда наши предки сапиенсы пришли в Европу, в те времена населенную неандертальцами? Какие мемы мы принесли с собой (в себе) со своей прародины — Африки? И что позаимствовали у предшественников?

Но это уже другая история.

